

G. Mihăilă. Împrumuturi vechi sud-slave în limba română. Studiu lexico-semantic. București, 1960, стр. 319

Литература, посвященная проблемам славянской лексикологии, пополнилась новым ценным исследованием молодого, но уже зарекомендовавшего себя румынского ученого Г. Михайла «Древние южнославянские заимствования в румынском языке».

Изучение славянских элементов в румынском языке, как отметил и автор рецензируемой монографии, имеет уже вековую историю: оно связано с такими именами, как Ф. Миклошич, Б. Хаждеу, А. Чихак, А. Яцимирский, О. Денсушяну, П. Скок, А. Росетти, Э. Петрович и др. Внимание к славянскому лексическому слою в румынском языке было всегда значительным. Монографию Г. Михайла тем не менее можно рассматривать как своего рода итог большой предшествующей работы славистов и романистов, как полезную систематизацию материала с учетом новейших лексикографических источников, трудов по лингвистической географии, отчасти по фонетике и грамматике славянских и румынского языков. Достаточно отметить, что индекс основных слов, приложенный к монографии, насчитывает 647 лексем¹.

Задачей молодого исследователя не была простая каталогизация фактов — «автор имел в виду не только «этимологию» слов и составление более или менее полного «dictionnaire raisonné», но и «функционализацию» данных слов в румынском языке» (285)². Его интересовали не только состав славянской лексики в румынском языке (при этом была произведена классификация и по частям речи, и внутри каждой части речи по предметно-понятийным полям, стр. 18—218), но также и «некоторые общие тенденции семантического развития древних южнославянских заимствований в румынском языке» (219—247). В последнем случае внимание автора привлекли: 1) однозначные слова («слова-термины»), которые сохранили свое первоначальное значение (названия растений, животных, названия конкретных орудий и предметов и т. п.); 2) славянские многозначные слова: а) проникшие в румынский язык в одном только значении, б) слова, многозначные в славянских языках, сохранившие в основном те же значения и в румынском языке («славяно-румынская полисемия»); 3) слова, получившие новые значения в румынском языке: а) слова, расширившие свое значение, б) слова, в своем развитии приобретшие совер-

¹ Едва ли не основным упреком одного из предшествующих рецензентов книги, Б. Симеонова (см. «Български език», год XII, кн. 5-6. София, 1961.), в адрес Г. Михайла было указание на неполноту исследуемого материала. По мнению рецензента, число славянских лексических элементов в румынском языке значительно больше — до 3 тыс. Следует отметить, однако, что, если отвести, как это делал Г. Михайла, производные слова, эта цифра окажется весьма преувеличенной. Тем не менее, безусловно, досадно, что вне поля зрения румынского исследователя оказались такие лексемы, как *dălbină*, *lubeniță*, *slană*, *snagă* и т. п.

² Здесь и далее в скобках указаны страницы рецензируемой книги; условные сокращения те же, что и в книге Г. Михайла.

шенно новые значения путем «специализации» или «отклонения» (283). Выяснилось, что слов, получивших новые значения, в румынском языке, по сравнению с общим числом славянских заимствований, очень мало [*colnic* — не только 'дорога в лесу через холм, гору', соответствующее в общем болг. *колник* 'проселочная дорога', но и 'холм'; *mașter* — прилаг. 'неродной (об отце, брате, сестре)'; *bob* — не только 'боб', но и 'любый шаровидный плод или предмет' (ср. русск. *горошинка*); *voinic* — от старого значения 'воин' произошел переход к 'добрый молодец', 'парень'; *a se prasi* — не только 'пороситься', но вообще 'размножаться (о скоте)'; *mindru, mindra* — не только 'мудрый, красивый', но и 'надменный', 'любимый' («красивый») и др.], и они относятся в основном к разряду слов, «расширивших значение». Что же касается слов, приобретших новые значения путем «специализации», то к ним Михаилэ относил *zăpadă* 'снег', уже привлекавшее внимание Б. Унбегауна (см. «*Orbis*», II, 2, 1953, стр. 345—351) и отражающее, вероятно, отмеченный еще П. Скоком факт образования существительного от славянского заимствования-глагола [ср. (*za-*) *padati*], аналогичное *năsip, nisip* 'песок', *mindru* (здесь, скорее, факт расширения значения, и мы отнесли его в первую рубрику), *scovardă* 'один из видов слоеного пирога', *a(se)grabi* 'торопиться', 'спешить' (такое значение известно и в болгарском, и сербско-хорватском языке), и еще два-три слова.

Таким образом, монография Г. Михаилэ на вопрос, «переживают ли многочисленные славянские заимствования в румынском языке самостоятельное, отличное от других славянских языков семантическое развитие», в общем отвечает отрицательно. Это положение не надо принимать как догму, а приведенные выше частности представляют не только определенные факты, но и интерес³, однако в целом остается справедливым важный вывод П. Скока о том, что заимствование из одного языка в другой (особенно при их принадлежности к разным семьям) является своего рода «моментальным актом» (*skraćeni postupak*). В этом отношении едва ли особенно существенно и принципиально отлично, как думает Г. Михаилэ (вслед за А. М. Селищевым и др.), заимствование «в собственном смысле этого слова, которое появляется одновременно с принятием какой-либо вещи или понятия», и заимствование-слово, «не связанное с новыми предметами или понятиями, проникшими в новый язык в результате двуязычия» (280). Свои выводы П. Скок сделал на типологически сходном материале славяно-романских отношений, исследуя романские элементы в хорватском языке⁴. С нашей точки зрения, не меньший, если не больший, интерес представляет тот факт, что в большинстве случаев в результате заимствования, т. е. перехода слова в иноязычную среду, его «внутренняя форма» консервируется, останавливается в своем дальнейшем семантическом развитии. Такие случаи чаще всего наблюдаются в «более терминологичной» по своей семантике лексике (названия сельскохозяйственных орудий, материальной культуры, географического ландшафта, животного мира и т. п.), которая, кстати сказать, представляет собой значительную часть славянского лексического пласта в румынском языке. Романиста-семасиолога, естественно, будет более интересовать развитие новых значений, слависта же — их консервация. Г. Михаилэ не выделил для этого вопроса отдельного раздела, но его материал дает доста-

³ Здесь прежде всего снова обращает на себя внимание лексема *zăpadă*, отсутствующая в других славянских диалектах. Рассуждения Б. Унбегауна не отрицают возможности наличия такой лексемы в одном из «дако-славянских диалектов».

⁴ См.: P. Skok. *Prilog metodu proučavanja romanizama u hrvatskom ili srpskom jeziku*. «Zbornik radova (Filozofskog fakulteta Sveučilišta u Zagrebu)», knj. I. Zagreb, 1951, стр. 445 (сокр. *Zb. Rad.*).

точно любопытных свидетельств подобной консервации. Экономя место, приведем лишь один пример с рум. *luncă*:

Luncă 'низина или заливаемая местность у проточной воды; лес ивовый, ракитовый и т. п. у проточной воды': ст.-сл. лжк 'несправедливость, обман', цслав. 'idem; golf, vale, [= рум.] lunca' (Mikl. Lex., *357; Berneker, 739), ср. болг. *лъка* 'Krümmung, Windung; Wiesenland, Weide in der Flußniederung; buschige Niederung', с.-хорв. *luka* '[= румын.] luncă; golf' (Rječnik, VI, 206—207), словен. *loka* 'sumpfige Talwiese' и т. д. (см.: Berneker, там же; Vasmer, II, 68 *лука*); заимствование в венг. *lanka* 'der sanfte Abhang, die Halde; locus apud fluminem; pomarium apud fluminem; Ort, wo das Wasser still fließt' (Kniezsa, 303—304) ⁵.

Современные славянские языки (исключая словенский, где почти аналогично румынскому), в которых существует интересное нас слово, не знают значения 'лес, роща у излучины реки' — это значение архаическое, зафиксированное только старинными хорватскими словарями Габелича (1670), Белостенца (1740), а вслед за ними и у Волтича (1802) и Ступича (1806). Если бы не свидетельства древних лексикографов, то могло бы даже возникнуть произвольное толкование о новом развитии значения на румынской почве. Своеобразный архаизм семантики ряда славянских заимствований в румынском, а также венгерском языке — ценный источник для славянской исторической семасиологии и этимологии. Этот источник может стать для нас еще более достоверным, если мы преломим факты сквозь призму лингвистической географии. Г. Михаилэ, опять как романиста, интересовало географическое распространение славизмов на румынской территории (здесь существенную помощь ему оказали данные во многом образцовых румынских лингвистических атласов), но слависта не в меньшей мере интересует ареал распространения тех же лексем на славянской (в ряде случаев и венгерской) территории за пределами современной Румынии. Выяснение таких ареалов проливает свет на этнический состав славянского населения, ставшего одним из компонентов румынской народности и нации. Не излишне при этом иметь в виду уже достаточно утвердившееся в науке мнение о значительной древности отдельных лексических изоглосс и считаться с фактом несовпадения лексических и фонетических изоглосс. Многие лексемы для древнейшего периода нельзя будет квалифицировать как лексемы «болгарского типа» (280) или даже исключительно южнославянского. Проблема карпатско-южнославянского ареала, где важным компонентом выступают западноукраинские говоры, или гипотеза центрального балканского клина и латеральных поясов, выдвинутая еще Копитаром и Миклошичем и недавно вновь возрожденная Б. Братаничем, не может быть разрешена без славянского материала, сохранившегося румынским языком.

Если взять, к примеру, славянские названия частей рала, исследованные в лингво-географическом плане Б. Братаничем ⁶, то сопоставленные с ними рум. *grindăi* (ср. венг. *gerendely*, Kniezsa, I, 192), отчасти *plaz* и *poting* (21) будут относиться в принципе к центральному клину. В этом же плане интересно проследить на славянской территории продолжение изоглоссы слова *război* (ср. юж.-слав. *разбой* и *стан*), *orîncă* (ср. юж.-слав.

⁵ Словарная статья из книги Г. Михаилэ (стр. 100) приводится полностью; на русский язык переводится лишь румынский пояснительный текст.

⁶ См.: B. Bratanić. Uz problem doseljenja Južnih Slavena. Nekoliko etnografsko-leksičkih činjenica. Zb. Rad., knj I, стр. 221—250. См. рецензию И. Поповича. — ЈФ, XIX. Београд, 1951—1952, стр. 326—329, а также: B. Bratanić. Nešto o starosti pluga kod Slovena. Zb. Rad., knj II. Zagreb, 1954 и труды Гавацци, Обрембского и Вакарелского.

опинци и цървули) и многих других слов, связанных не только с материальной культурой, но и с рядом абстрактных понятий.

Изложенные выше рассуждения о важности определения ареала славянских слов не только на румынской территории, но и вне ее остаются при нынешнем, все еще неблагоприятном, состоянии славянской лингвистической географии, и в первую очередь южнославянской, особенно оставшей от румынской, скорее благими пожеланиями, чем серьезным упреком автору обстоятельной монографии о древних южнославянских заимствованиях в румынском языке. Совершенно очевидно, что поставленная выше проблема может оказаться отдельным и даже многогранным трудом⁷. Существенную помощь в этой новой работе окажет рецензируемая книга, а также дальнейшие исследования в области топонимики⁸.

Весьма желательно также было бы провести изучение так называемой «славяно-румынской полисемии» (225—229) и «синонимических рядов» (257—261) в плане моделирования семантических максимально дифференцированных микрополей для выяснения дистрибуции лексем на моделированной сетке. На южнославянской, румынской и прилегающих к ним западной и восточнославянских территориях, в диалектах, выявляются типы, которые также трудно определить одним словом «болгарский» или «сербский» и т. п. Ср., например, значение лексемы *vreme*, «синонимичку» *vreme — timp* и т. п.⁹ Проблема типологического исследования славянской лексики, однако, только еще ставится, и мы далеки от мысли упрекать автора в его невнимании к ней. Кроме того, задачи структурного описания лексики, без которых немислимы и типологические исследования, заставили бы Г. Михайла обратиться к обильному румынскому (романскому) материалу и заняться, по сути дела, лексической типологией румынских диалектов. Это поставило бы новую задачу. Именно поэтому, видимо, автор вынес «синонимические ряды» в приложение.

В целом нельзя не отнестись с благодарностью к автору книги «Древние южнославянские заимствования в румынском языке», так же как нельзя будет обойтись без нее каждому специалисту по сравнительной славянской лексикологии. Пожелаем ему успеха в работе над дальнейшим трудом — «Этимологическим словарем славянских заимствований в румынском языке».

Н. И. Толстой

⁷ Первые серьезные шаги в этом направлении уже предприняты Э. Петровичем (см. его статью «Изоглоссы славянских элементов в румынском языке». «Slavia», roč. XXXI, seš. I. Praha, 1962) и самим Г. Михайлом [см. статью «Geografia zapożyczeń słowiańskich w języku rumuńskim (na podstawie Rumuńskiego atlasu językowego)», печатающуюся в сборнике в честь проф. В. Дорошевского. Эта работа, так же как и другие наблюдения Г. Михайла по географии славянских элементов на румынской территории, мне, к сожалению, неизвестна].

⁸ См. две последние принципиально важные работы: Э. Петрович. Славяно-болгарская топонимика на территории Румынской Народной Республики. «Romanoslavica», I. Bucureşti, 1958, стр. 9—26; И. Гълъбов. Стари български езикови ареали на дакорумънската езикова територия. «Език и литература», 1961, № 4, стр. 39—48.

⁹ См.: Н. И. Толстой. Из географии славянских слов. I — *дождь*, 2 — *саламандра*. — ВСА, вып. 6. М., 1962, стр. 140 сл.